

Ланс не был уверен в своей догадке, но она, по крайней мере, казалась логичной. А что до того, как Хэ Цзиньэнь узнал пароль... возможно, всё было так, как он и сказал. Директор стар, а когда люди стареют, их взгляды порой меняются.

Сердце Чжань Пинчуаня дрогнуло, когда он увидел эту строчку, но он быстро скрыл своё волнение за глотком колы. И всё благодаря прилежному рыжему лисёнку, который, попросив у Хэ Цзиньэня материалы, случайно раскопал тайные переживания директора.

Похоже, Университет Синчжоу хранил немало секретов. Но что же такого натворил этот старик, ни на что не годный с виду, что даже пароль превратил в покаяние? Впрочем, Янь Цили пока не имел отношения к его заданию, так что Чжань Пинчуань не собирался сообщать об этом ни отцу, ни начальству.

Ланс достал флешку и вставил её в ноутбук.

Скрывать что-либо от маленького идиота не было смысла. Уриэль исчез восемнадцать лет назад. Чжань Пинчуань, который только в августе этого года достиг совершеннолетия, тогда ещё даже не родился. Откуда у беззаботного студента S-ранга возьмётся интерес к тайнам дела Уриэля?

— Это те исторические материалы, что дал тебе учитель Хэ Цзиньэнь? — Чжань Пинчуань заглянул через плечо Ланса.

— Ага, видео- и текстовые записи, относящиеся ко второму историческому разлому, — ответил Ланс и, слегка повернув голову, коснулся ухом щеки Чжань Пинчуаня.

Прохладная мочка уха приятно холодила кожу, и Чжань Пинчуань довольно улыбнулся.

Ланс скользнул по нему взглядом, молчаливо позволяя эту маленькую вольность. Он даже подумал, что Чжань Пинчуань ещё сдерживается — мог бы ведь и поцеловать.

Компьютер на мгновение задумался, прежде чем распознать устаревшее устройство. В наши дни флешками уже никто не пользовался, но, к счастью, предоставленные университетом бесплатные ноутбуки были достаточно старыми и всё ещё имели USB-порты.

Ланс открыл папку. Внутри оказалось чуть больше десятка файлов. Всего четыре видео и несколько статей — ничтожно мало для целой человеческой жизни. Но это было всё, что Уриэль оставил после себя в этом мире.

Чжань Пинчуань пододвинул стул и сел рядом. Конечно, он не обладал даром предвидения и не знал, что содержимое этой флешки тесно связано с отчётом о вскрытии, который ему

предстояло выкрасть. Просто он находился в том сладостном периоде после временной метки, когда любое мгновение, проведённое рядом с Лансом, казалось ему чудом.

И вот, пока Ланс смотрел на экран, Чжань Пинчуань, подперев подбородок рукой, смотрел на Ланса.

«Какие же у рыжего лисёнка красивые янтарные глаза, словно драгоценные камни. Особенно когда в них стоят слёзы от стимуляции железы... Хочется и похвастаться всему миру, и в то же время эгоистично спрятать от всех. А этот точёный нос, высокий и изящный, — когда он наслаждается, то морщит его, и на лице появляется такое выражение, будто ему не очень-то и хочется, но на самом деле чертовски приятно. А лучше всего целовать его губы — мягкие и влажные. Терпеть не могу тонкие, сухие и холодные, безвкусные. А у Ланса идеальные. Когда зацелуешь их докрасна, они становятся похожи на милые желейные конфетки».

Только в этот миг Чжань Пинчуань понял, что строки, прочитанные в начальной школе, — «Ты стоишь на мосту и смотришь на пейзаж, а тот, кто смотрит на пейзаж, смотрит на тебя с балкона», — наконец обрели для него реальность.

Ланс, игнорируя всё более пылкий взгляд, открыл первое видео.

Камера на мгновение дрогнула, а затем стабилизировалась. На экране появился мужчина, неопрятный, но не вызывающий отторжения. У Уриэля от природы были густые волосы, и было видно, что он давно не стригся и не брился. Волосы на голове и борода почти слились воедино, напоминая гриву льва.

Возможно, из-за того что они были братьями по матери, он не очень походил на Оливера. Его волосы были серебристыми, и с первого взгляда могло показаться, что перед тобой старик лет пятидесяти. Но на видео ему было меньше тридцати.

Уриэль был одет просто, но чисто: свободные серые джинсы и тщательно выглаженная рубашка. Эта одежда висела на его худом, вытянутом теле, делая его похожим на ходячую тростинку. С его сухощавым телосложением разительно контрастировало лицо, скрытое за густой растительностью, но чрезвычайно располагающее к себе. Его черты были мягкими, возможно, отчасти из-за бороды, но открытые участки кожи казались гладкими, чистыми, пшеничного цвета.

Но больше всего поражали его глаза. Даже сквозь экран чувствовалось, как в его тёмно-синих зрачках горит пламя искренности. Взгляд был живым и полным надежды.

Это была публичная лекция по социологии. Уриэль был настроен куда более страстно, чем любой из студентов в аудитории. Во время лекции он широко жестикулировал, то переходя с одной стороны сцены на другую, то широкими шагами сходя с трибуны. Он размахивал руками, и когда говорил о чём-то возмутительном, то громко негодовал и сокрушённо закрывал лицо руками, а когда рассказывал о достигнутых успехах, то радостно смеялся, с детским воодушевлением и азартом.

Он говорил о деревне Кансиди, месте, забытом и подземельями, и Федеральным правительством. Люди там продолжали жить так, как жили до Дня Рассвета, отказываясь пробуждаться от прошлого. Поэтому любая, даже малейшая аномальная способность извне могла полностью разрушить их жизни. Уриэль призывал Федеральное правительство защитить их, но его предложение долгие годы оставалось без внимания, пока однажды банда разбойников со способностями не напала на деревню Кансиди и не стёрла её с лица земли.

Затем он заговорил о ледяной равнине Лотасити.

Он яростно осуждал Федеральное правительство за создание тюрьмы для смертников особого режима AGW, потому что условия содержания там были антигуманными. После многолетних расследований он выяснил, что многие из заключённых не представляли большой опасности для общества, а попали туда по разным причинам, навлекши на себя гнев правительства. Единственный способ выйти из этой тюрьмы — сойти с ума.

В конце Уриэль сказал:

— Недавно я узнал нечто невероятное, но у меня пока нет убедительных доказательств. Надеюсь, в скором будущем я смогу обнародовать это.

Ланс видел перед собой идеалиста, беззаветно преданного своему делу и не боявшегося смерти. Неудивительно, что Хэ Цзиньэнь так уважал и доверял ему.

У идеалистов в этом мире редко бывает счастливый конец. Те, кто стоит под ярким светом, легче всего становятся добычей тьмы.

Поначалу всё внимание Чжань Пинчуаня было приковано к рыжему лисёнку, но постепенно он и сам не мог не заметить этого неопрятного социолога.

— Кто это? Вроде не видел его раньше, — выдохнул Чжань Пинчуань, его дыхание коснулось белоснежной мочки уха Ланса.

— Уриэль, друг учителя Хэ Цзиньэня. Вероятно, его статьи представляют определённую ценность, поэтому учитель и дал мне их посмотреть, — ответил Ланс, смешав правду с ложью.

Он быстро открыл второе видео.

Это была ещё одна публичная лекция. Уриэль, казалось, плохо спал: под глазами залегли тёмные круги. Но это не умерило его пыла. Он рассказывал о своей недавно опубликованной статье, в которой упоминался город под названием Утопия на побережье Карибского моря. Он утверждал, что в этом городе происходят немыслимые тёмные дела, и он намеревался разоблачить их до конца.

На этой лекции в первом ряду сидел Хэ Цзинъэнь. Тогда он ещё не был стариком в тренировочном костюме с термосом, прожигая жизнь. Его тело не было иссохшим, наоборот, он выглядел очень здоровым, а рядом с ним стоял стакан ледяной воды.

Конечно, волос на голове у него по-прежнему было маловато.

— Хэ Цзинъэнь им восхищается, — сразу заметил Чжань Пинчуань.

— Похоже на то, — кивнул Ланс.

Второе видео было коротким, и Ланс запустил третье.

На этот раз это была не лекция, а репортаж, снятый журналистами во время визита Уриэля в университет.

К тому времени Уриэлю было уже за тридцать. В уголках его глаз появились едва заметные морщинки, но весь его облик излучал спокойствие и надёжность.

В кадре его постоянно окружали студенты, засыпая вопросами. Уриэль, несмотря на многолетнюю славу, вероятно, из-за частых поездок в отдалённые районы, сохранил скромность и уважение к людям.

Кто-то спросил, как обстоят дела с Утопией.

Лицо Уриэля помрачнело. Впервые он не ответил с прежней страстью и боевым задором. Глаза, в которых всегда горело пламя, стали молчаливыми и сдержанными.

В конце концов, Уриэль лишь ответил:

— Я всё ещё стараюсь, делаю всё, что в моих силах.

Другой студент спросил, не жалеет ли он о том, что делает.

Уриэль долго размышлял, подбирая слова.

— У меня нет ни жены, ни детей, и это даёт мне огромную свободу в погоне за моей мечтой. И пока эта мечта не вредит моему младшему брату, я не буду жалеть.

Студент рассмеялся:

— Вы, должно быть, очень любите своего брата.

Уриэль прямо признал:

— Он мой единственный родной человек. Я люблю его больше жизни.

Затем одна из снимавших студентов споткнулась и упала. Уриэль молниеносно подхватил её, помог встать, а затем деликатно отпустил, кивнул и ушёл.

Записи, которые мог сохранить Университет Синчжоу, естественно, были сделаны только в его стенах.

— И что ты думаешь об этом человеке, Чжа... Чжань Пинчуань? — спросил Ланс.

Чжань Пинчуань приподнял бровь. Он видел, что Ланс очень заинтересовался этим человеком. Ревновать к мужчине, которому за тридцать, было бы глупо.

— Немного радикален, но, кажется, неплохой человек. Я, конечно, не такой, но мне бы хотелось, чтобы в обществе было больше таких людей, — справедливо заметил Чжань Пинчуань.

Ланс был согласен с ним. Из третьего видео можно было сделать вывод, что Уриэль пережил какой-то удар. Он уже не мог так же твёрдо идти своим путём, как раньше, но такие люди, даже разбив лоб о стену, даже впад в уныние, никогда не станут плыть по течению.

Он также упомянул Оливера.

Ланс был уверен, что ради Оливера он бы никогда не убил сестру Сы Хунчэ.

Однако то, что было очевидно ему, должно было быть ещё очевиднее Сы Хунчэ, который знал Уриэля гораздо лучше. Почему же Сы Хунчэ был настолько разгневан, что подвергал Оливера мучениям на протяжении более десяти лет?

Возможно, Сы Хунчэ видел нечто большее, чем просто убийство.

Ланс, погружённый в свои мысли, машинально открыл последнее видео.

Он ожидал увидеть, как Уриэль снова страстно излагает свои взгляды, но внезапно в кадре появились ещё два человека.

Уриэль с выражением беспомощности и нежности гладил по золотистым волосам одного из

них. На его лице читалась смесь нерешительности и невозможности отказать.

— Оливер, — тихо и сдержанно напомнил он, — в университете тебе всё же нужно усердно учиться. Не очень хорошо, если все узнают о нашем родстве, правда?

Но энергичный светловолосый юноша совершенно не обращал внимания на возможное влияние. Он, как в детстве, повис на худой, но крепкой спине брата и с гордостью заявил:

— Пусть говорят что хотят, ты мой брат! Я хочу, чтобы все одноклассники знали, какой у меня великий брат!

Юноша посмотрел в камеру и состроил озорную гримасу. Ему было всего четырнадцать, возраст, когда хочется хвастаться. Кто бы не захотел, чтобы известный на всю Федерацию профессор был его родным братом?

Что касается третьего человека, Сы Хунчэ, то он с обожанием посмотрел на светловолосого юношу, а затем повернулся к снимавшим журналистам и предусмотрительно попросил их вырезать слова Оливера, которые могли быть неверно истолкованы. Его заботливость и предусмотрительность были поразительны.

Однако в тот момент, когда Чжань Пинчуань увидел лицо светловолосого юноши, он не сдержался и резко вскочил на ноги!

В одно мгновение в его глазах сменилось несколько эмоций, но в итоге все они слились в оглушительный звон, который всколыхнул давно забытые воспоминания.

Этого человека звали Оливер. Он был студентом Синда, обладал мощной способностью к созданию виртуального пространства, а его брат был знаменитостью, которую преследовали журналисты. И в тот момент рядом с ним стоял Сы Хунчэ, смотревший на него с чистым восхищением и нежностью.

Обрывки информации, словно бусины, нанизались на невидимую нить. Давние сомнения и нынешнее потрясение сошлись в идеальный круг.

Чжань Пинчуань быстро понял: тот отчёт о вскрытии разрушил не только жизнь Оливера, но и, казалось бы, нерушимую связь между ним и Сы Хунчэ.

Смерть Сы Хунсуй, обвинения в том, что он не защитил ребёнка... Только Сы Хунсуй могла заставить их окончательно порвать отношения.

Если предположения его отца верны и с тем отчётом что-то нечисто, это может означать лишь одно: во время войны по подавлению мятежа кому-то было нужно, чтобы Сы Хунчэ занял позицию, противоположную Оливеру.

Увидев на экране всех участников своей миссии, Ланс рефлекторно, с молниеносной скоростью, закрыл видео. Его движения были настолько быстрыми и отточенными, что напоминали действия бойца спецназа с многолетним опытом.

Чжань Пинчуань:

— ! — «Чёрт».

Ланс:

— ! — «Проклятье».

Сердце Ланса бешено заколотилось. У него даже не было времени обдумать слишком странную реакцию Чжань Пинчуаня. Его мозг лихорадочно работал, а пальцы до боли впелись в ладонь.

Чем больше пытаешься что-то скрыть, тем больше совершаешь ошибок.

Маленький идиот не знал этих троих. Он не должен был с такой паникой закрывать видео. Это была слишком глупая ошибка.

Как объяснить свой поступок?

Пока Ланс приходил в себя от шока, Чжань Пинчуань тоже лихорадочно соображал, сжигая миллионы нейронов в секунду. Ему было не до того, чтобы выяснять, откуда у Ланса оказались материалы, связанные с его заданием. В голове у него крутилась лишь одна мысль: как объяснить свою внезапную реакцию. Он ведь обычный студент, немного понтующийся, ленивый и расслабленный. Такое поведение заставит заподозрить в нём либо сумасшедшего, либо человека с нечистой совестью.

К счастью, оба были хорошо обученными профессиональными агентами, умеющими выходить из сложных ситуаций и импровизировать.

Ланс быстро взял себя в руки и, изобразив недоумение, посмотрел на Чжань Пинчуаня.

— Ты меня напугал. Что случилось?

В экстренной ситуации нельзя начинать с объяснений. Нужно указать на проблему собеседника. Только заставив его оправдываться в рамках твоей логики, ты сможешь обелить себя.

Чжань Пинчуань, по виску которого катилась капля пота, попался на крючок. Но он тоже был

не лыком шит и обладал талантом заканчивать спор одной фразой.

В его глазах зажглась неподдельная искренность.

— Честно говоря, я был так глубоко потрясён его личностью, что не смог сдержать эмоций! Ты понимаешь это чувство, когда внутри всё бурлит? Я думаю, ты прав, исторический факультет — это будущее Федерации, залог высокой зарплаты! Я решил перевестись вместе с тобой!

Ланс:

— .....

Чжань Пинчуань:

— .

В комнате повисла мёртвая тишина. Нервы натянулись, как струна, сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Казалось, даже дышать нужно было осторожно, чтобы одним неверным шагом не разрушить всю партию.

Наконец.

Ланс первым нарушил замерший ритм дыхания. Он настороженно посмотрел на Чжань Пинчуаня и осторожно предложил:

— Может, ты ещё подумаешь?

Чжань Пинчуань с застывшим выражением лица тут же ухватился за эту возможность.

— Пожалуй.

— Уже поздно, может, спать?

— Какое совпадение, меня тоже в сон клонит.

Ланс с хлопком закрыл ноутбук и быстро выдернул флешку.

Можно ли сказать, что никаких сомнений не осталось?

Вообще-то, они были. Но никто не решался продолжать этот разговор.

В ту ночь, лишённые всякого желания, они лежали в кровати, и каждый радовался, что другой оказался таким недалёким и поверил в его выдумку.

Эта напряжённая атмосфера, разумеется, сохранилась и на следующее утро.

И, как назло, первая пара у них была общая — «Методы преодоления кризисов в подземельях». У них даже не было времени побыть в одиночестве и всё обдумать.

Чжань Пинчуань с тёмными кругами под глазами сидел в напряжении, боясь, что Ланс снова заведёт разговор о переводе на другой факультет.

«В следующий раз, в следующий раз ни за что не возьмусь за такое рискованное дело. Когда у мужчины появляется первая любовь, он должен возвращаться в семью. Нет ничего важнее, чем дарить своему сокровищу чувство безопасности».

Ланс сидел с полуприкрытыми глазами, сонный и вялый, готовый уснуть прямо на лекции. Но он не смел расслабляться, боясь в любой момент случайно выдать себя — свою сущность Белого Фараона. Маленький идиот точно сойдёт с ума от страха, ведь он убил больше людей и существ, чем тот потрогал велосипедов.

Лекцию они оба не слушали, в отличие от остальных студентов, которые внимательно вникали в каждое слово, ведь речь шла о жизни и смерти.

Эта напряжённая атмосфера наконец развеялась в десять утра.

Оглушительно прозвенел звонок, его долгий звук разогнал остатки сонливости Ланса. Он невольно почувствовал раздражение и, прищурившись, посмотрел на бегающих по аудитории студентов.

В этот момент в аудиторию, раскрасневшись, вбежал Тан Ли. Он не успел затормозить и тут же начал возбуждённо сплетничать с соседом-Омегой.

— Боже, только что студенты из другого института сказали, что сегодня днём на факультет биохимии и медицины приедет декан Чу Фу! Это же сильнейшая Пробуждённая исцеляющего типа во всей Федерации!

— Ты про декана частной больницы Хэчуань? Разве её не сложно пригласить с докладом?

— Кто знает! Весь факультет биохимии уже на ушах, все хотят произвести на неё хорошее впечатление. Она же идол всех Пробуждённых исцеляющего типа.

— Тогда тебе обязательно нужно взять у неё автограф, а то в следующий раз, возможно, увидишь её, только когда будешь при смерти.

Волна сплетен быстро разнеслась по всей аудитории, и слова, словно тяжёлый молот, ударили по сонной голове Чжань Пинчуаня.

Чжань Пинчуань выпучил глаза, обведённые тёмными кругами, и его голос сорвался:

— Ма...

Усталый взгляд лисьих глаз Ланса скользнул по нему.

Чжань Пинчуань:

— ...мамочки, наконец-то перемена.

<http://bllate.org/book/15867/1441490>